

**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН.», РОМАН В СТИХАХ.
СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.
СПб. в Тип<ографии> Деп<артамента> Народ.
Просв<ещения>. 1825, in 12, XXII и 60 стр.**

Свободная и пламенная муза, вдохновительница Пушкина, приводит в отчаяние диктаторов нашего Парнаса и оседлых критиков нашей словесности. Бедные! Только что успеют они уверить своих клиентов, что в силу такого или такого параграфа пиитики, изданной в таком-то году, поэма Пушкина не поэма и что можно доказать это по всем правилам полемики, новыми рукоплесканиями заглушается охрипый шепот их и всеобщий восторг заботит их снова приискивать доказательства на истертых листочках реченной пиитики!

В самом деле, на что это похоже? Довольно, что английские критики не знали, что делать с Байроном; неужели и русским придет такая же горькая участь от Пушкина? Уже и хвалить его они не смеют: кто боится попасть в кривотолки, кто говорит, что ничего сказать не может, кто просто отмалчивается. Но пока готовятся безмолвные громы их, поспешим разделить с нашими читателями радость о новом счастливом событии на Парнасе нашем — появлении нового поэтического произведения любимца всех русских читателей.

Давно уже с нетерпением ожидала публика «Онегина»; теперь отчасти и вполне удовлетворилось желание читателей: *отчасти*, ибо издана только первая глава этого поэтического романа; *вполне*, потому что издание «Онегина» положительно доказывает права Пушкина уже не просто на талант, но на что-то выше.

«Но что такое «Онегин»? — спросят критики,— что за поэма, в которой есть главы, как в книге? По каким правилам она составлена? К какому роду принадлежит?»

«Онегин», мм. гг., роман в стихах, следовательно в романе позволено употребить разделение на главы; правила, руководствовавшие поэта, заключаются в его творческом

17

воображении; род, к которому принадлежит роман его, есть тот самый, к которому принадлежат поэмы Байрона и Гете.

«Дон Жуан» почитается одним из лучших и едва ли не лучшим произведением Байрона. «Difficile est proprie communia dicere»^{*}, — сказал великий сей поэт, издавая «Дон Жуана»¹. Он чувствовал, как тяжело было ему бороться с своим предметом, и тем славнее был его подвиг, тем громче торжество.

В угодность привязчивым Аристархам, согласимся, что, по существу своему, поэму, подобную «Дон Жуану» и «Беппо», поэму, где нет постоянной завязки, хода действий, с начала ведомых к одной главной, ясной цели, где нет эпилога³, нельзя назвать ни эпической, ни дидактической поэмою; но это уже дело холодного рассудка приискивать на досуге, почему написанное не по известным правилам хорошо, и на всякий новый опыт поэзии прибирать лад и меру; не поэту же спрашивать у пиитиков: можно ли делать то или то! Его воображение летает, не спрашивая пиитик: падает он, тогда торжествуйте победу школьных правил; если же полет его

---

^{*} Трудно по-своему выразить общеизвестные вещи (лат.).

изумляет, очаровывает сердца и души, дайте нам насладиться *новым* торжеством ума человеческого: всякое новое приобретение Байронов или Пушкиных делает и нам честь, ибо делает честь стране, которой он принадлежит, и веку, в ко<то>ром живет.

То самое высшее наслаждение, в котором человек, упоенный очаровательным восторгом, не может, не смеет дать самому себе отчета в своих чувствах: все *ограниченное*, в наслаждениях эстетических, отвращает человека — и в неопределенном, неизъяснимом состоянии сердца человеческого заключена и тайна, и причина так называемой романтической поэзии.

Пушкин обещает своим критикам написать поэму в 25 песен³, в которой будут выполнены все условия, предписанные покойным Баттё. Тогда и мы обещаемся написать рецензию, которую начнем полным и обстоятельным разбором всех эпических поэм, исследуем все подробности, как-то: правильно ли превращение кораблей Энеевых в нимф; сколько раз должен был оббежать Гектор Трои, чтобы утомить сына Пелеева⁴, а кончим верными доказательствами, что никто из новых не сравнится даже и с Аполлоном Родосским. Разумеется, что в таком случае

18

не должно забывать избитых эпитафий: *vos exemplaria graeca*^{*} и проч., и проч.

Между тем, верно, никто из самых зазорных критиков Пушкина, прочитавши новую поэму его, не откажет ему в

---

^{*} Приводится начало крылатого выражения «*Vos exemplaria graeca nocturna versate mane, versate diurna*» (лат.) — «Листайте греческие образцы и ночью и днем».

истинном, неподложном таланте. Зачем не пишет он поэм в силу правил эпопеи? Та беда, что и поэт неволен в направлении своего восторга: что ему поется, то он поет...

В очерках Рафаэля виден художник, способный к великому: его воля приняться за кисть — и великое изумит ваши взоры; не хочет он — и никакие угрозы критика не заставят его писать, что хотят другие.

В музыке есть особый род произведений, называемых *capriccio*⁵ — и в поэзии есть они: таковы «Дон Жуан» и «Беппо» Байрона, таков и «Онегин» Пушкина. Вы слышите очаровательные звуки: они льются, изменяются, говорят воображению и заставляют удивляться силе и искусству поэта. Соглашаемся, что по отрывку нельзя судить о целом; но кто в произведениях Пушкина не находит поэзии, с тем не будем ничего говорить о поэзии.

Содержание первой главы «Онегина» составляет ряд картин чудной красоты, разнообразных, всегда прелестных, живых. Герой романа есть только связь описаний.

С самого начала Онегин скачет на почтовых в деревню своего дяди, богача, умирающего, который оставляет племяннику все свое имение. Тут поэт рассказывает, кто такой Онегин, описывает его воспитание, знания, свойства, день прежней петербургской его жизни, обед у Талона, приезд в театр, туалет Онегина, мимоходом бал, грусть, необходимое последствие рассеянной жизни, и свое знакомство с недовольным жизнью Онегиным, который получает письмо о болезни дяди, едет к нему в деревню, не застаёт его в живых и, получив богатство, не перестает скучать. Поэт кончит шуткою.

Читатели видят, что «Онегин» принадлежит к тому роду стихотворений, в котором доныне у нас не было ничего сколько-нибудь сносного. Шуточные поэмы наших стихотворцев сбивались в плоскости, шутки их оскорбляли благопристойность, улыбка походила на хохот тех героев, которых они описывали, как-то: трактирщиков, карточных

19

игроков или пьяниц^{*}; видно, Пушкину суждено быть *первым* и в исполнении поэм, и в изобретении предмета своих поэм. Надобно сказать, что вообще новые поэты в сочинениях сего рода открыли новые стороны, неизвестные старинным сочинителям: «Налой» или «Похищенный локон»⁷ однообразны, поэт только смешит; но Байрон не смешит только, он идет гораздо далее. Среди самых шутливых описаний он резким стансом обнаруживает сердце человека, веселость его сливается с унылостью, улыбка с насмешкою, и в таком же положении, как Байрон к Попу, Пушкин находится к прежним сочинителям шуточных русских поэм. Он не кривляется, надувая эпическую трубу, не пародирует эпопеи, не сходит в толпу черни: выбрав героя из высшего звания общества, он только рисует с неподражаемым искусством различные положения и отношения с окружающими предметами, — и здесь тайна прелести поэмы Пушкина. Но не смех возбуждает поэт; он освещает перед нами общество и человека: герой его — шалун с

---

^{*} Некто А. М. не постыдился поставить «Руслана и Людмилу» в ряд с «Елисеем» Майкова и с «Энеидой наизнанку»⁶. Неверующие могут прочесть в «Mercure du XIX siècle», 77 livraison, 1824, от стр. 505, статью: «Замечания россиянина, живущего ныне в Париже, на «Антологию» Сен-Мора».

умом; ветреник с сердцем — он знаком нам, мы любим его!

И с каким неподражаемым умением рассказывает наш поэт: переходы из забавного в унылое, из веселого в грустное, из сатиры в рассказ сердца — очаровывают читателя. Мысли философа, опытного знатока и людей, и света отливаются в ярких истинах: кажется, хочешь спросить, как успел подслушать поэт тайные биения сердца? где научился высказывать то, что мы чувствовали и не умели объяснить?

Картины Пушкина полны, живы, увлекательны. Не выписывая из «Онегина» (ибо надобно переписать половину книги), мы укажем на изображение знаний Онегина (стр. 5), изображение санктпетербургского театра (стр. 14), кабинета Онегина (стр. 19), приезда на бал (стр. 22), Петербурга утром (стр. 29), похорон дяди (стр. 42). — Насмешки его остры, умны, разительны; не можем не пересказать следующих:

20

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь:
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.

Онегин:

...читал Адама Смита,
И был глубокий эконоом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,

**И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.**

«Главный признак изящного есть простота», — сказал один германский философ⁸ — и что же простее, добродушнее этой насмешки над толками модных последователей Смита? Тот же философ говорит, что «народная (nationale) словесность берет у воображения то, что сильнее говорит уму и характеру народа» — и эту народность, эту сообразность описания современных нравов Пушкин выразил мастерским образом. Онегин не скопирован с французского или английского; мы видим свое, слышим свои родные поговорки, смотрим на свои причуды, которых все мы не чужды были некогда.

Спешим оправдать Пушкина в упреках, которые делают ему некоторые критики. Кроме того, что лишают себя наслаждения, они стараются еще и другим передать мучительные свои ощущения. Они уверяли всех и каждого, что «Руслан» взят из Ариоста, «Кавказский пленник» из «Чайльд–Гарольда», «Бахчисарайский фонтан» из «Гяура», — предчувствуем, что «Онегина» осудят на подражание «Дон Жуану» и «Беппо» Байрона и «Дню» Парини. Читавшим Байрона нечего толковать, как отдаленно сходство Онегина с Дон Жуаном; но для людей, не знающих Байрона или Парини, но которые любят повторять слышанное, скажем, что в «Онегине» есть стихи, которыми одолжены мы, может быть, памяти поэта, но только немногими стихами и ограничивается

сходство: характер героя, его положения и картины — все принадлежит Пушкину и носит явные отпечатки подлинности, не переделки.

Мы не упоминаем о прелести вводных мест (эпизодов)

21

в «Онегине», как-то: обращений поэта к самому себе, воспоминаний и мечтаний его, — из читавших Онегина, верно, наполовину знают его до сей поры почти наизусть; нечитавших же мы не хотим лишать новости в наслаждении выпискою стансов 29, 30, 31, 32, 33, 34, 45, 49, 50, 57, 58 и 59, ибо их должно читать вполне.

Не говорим и о стихах Пушкина: такой гармонии, такого умения управлять механизмом слов и звуков не было и доньше нет ни у которого из поэтов русских, даже и у Жуковского.

В доказательство, как все оживляется под пером Пушкина, мы желали бы подробно разобрать приложенный в начале «Онегина» «Разговор книгопродавца с поэтом». Здесь переходы чувств и искусство выражаться, смотря по тому, кто говорит, неподражаемы. Содержание: книгопродавец просит поэта продать свою рукопись; поэт отвечает на все его предложения; задумчивая мечтательность, яркие мысли выражают пламенный характер поэта; познание света, резкие истины опыта обрисовывают характер книгопродавца.

Говорят, что без замечания ошибок не бывает рецензии: вот самое затруднительное обстоятельство для рецензента стихотворений Пушкина — где взять ошибок? Несколько рифм можно назвать принужденными, немного

выражений неточными (например: «вздыхает лира, возбуждать улыбку, иволги напев живой»); но оставим эту убогую добычу грядущим критикам: не думайте, что избранный из них будет молчать, что он не явится — *Il s'en présentera, n'en doutez-vous pas**.

В то время, как мы благодарим поэта за новый подарок, шум всеобщих похвал, вид запыленной кипы родимых творений, когда сочинений Пушкина не наготовятся книгопродавцы на нетерпеливых читателей, — все это возбуждает *литературных гагар*... Не повторить ли им в задаток слова поэта:

**Гагары в прозе и стихах!
Возитесь, как хотите;
Но, право, истинный талант не помрачите;
Удел его: сиять в веках!**

---

* Он ее представит, не сомневайтесь в этом (*фр.*).